

Велимир Хлебников

Ладомир. Поэмы

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-1
ББК 84-5

Велимир Хлебников

Ладомир. Поэмы / Велимир Хлебников – М.: Книга по Требованию, 2011. – 87 с.

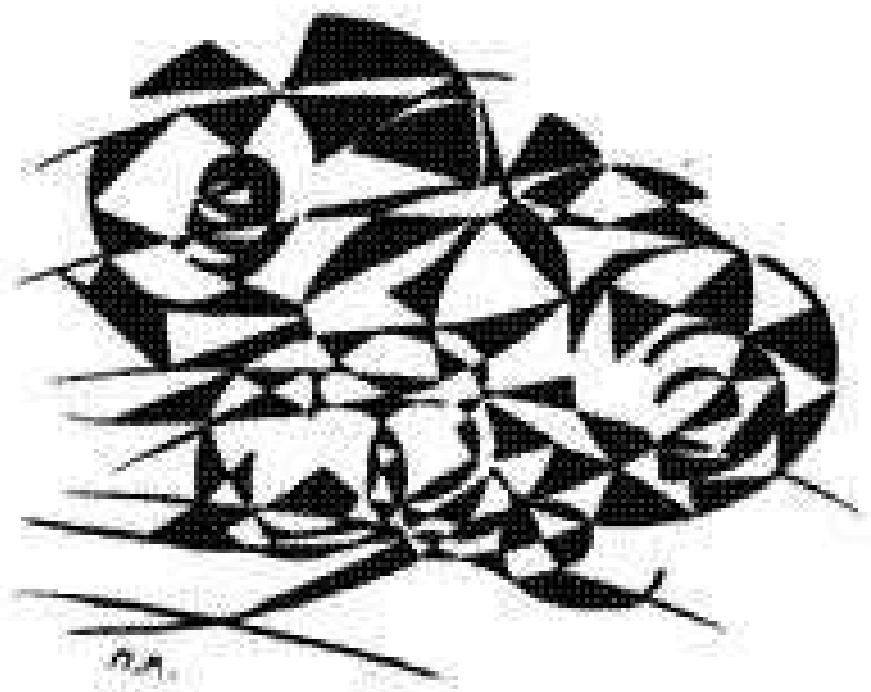
ISBN 978-5-4241-2094-7

Хлебниковые стихи завораживают, и недаром под их обаяние попали столь разные мастера, как Маяковский, Вячеслав Иванов и Михаил Кузмин. Ведь стихи его того же корня, что заговоры и заклинания. Загадочна и личность Хлебникова - дервиша, как считали на Востоке, где он странствовал. Его прозрения удивительны, его фантазии предвосхитили время, а предсказания кажутся колдовством, поскольку, основываясь на своих математических выкладках, еще за несколько лет до большевистской революции поэт предсказал, что империя падет в 1917 году. Он прислушивался к числам, и числа говорили ему не меньше, чем звери и птицы, отвечали, как отвечали и языческие божества, все эти лешие, русалки и мавки, с которыми он вел нескончаемые разговоры, перекладывая услышанное в стихи.

ISBN 978-5-4241-2094-7

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011
© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ
ЛАДОМИР
Поэмы

ЛАДОМИР

И замки мирового торга,
Где бедности сияют цепи,
С лицом злорадства и восторга
Ты обратишь однажды в пепел.
Кто изнемог в старинных спорах
И чей застенок там, на звездах,
Неси в руке гремучий порох —
Зови дворец взлететь на воздух.
И если в зареве пламен
Уж потонул клуб дыма сизого,
С рукой в крови взамен знамен
Бросай судьбе перчатку вызова.
И если меток был костер
И взвился парус дыма синего,
Шагай в пылающий шатер,
Огонь за пазухою — вынь его.
И где noctуют барышни,
В чехле стекла, где царский замок,
Приёмы взрыва хороши
И даже козни умных самок.
Когда сам бог на цепь похож,
Холоп богатых, где твой нож?
О девушка, души косой
Убийцу юности в часы свидания
За то, что девою босой
Ты у него молила подаяния.
Иди кошачьею походкой,
От нежной полночи чиста.
Больная, поцелуй чахоткой
Его в веселые уста.
И ежели в руке желез нет —
Иди к цепному псу,
Целуй его слону,
Целуй врага, пока он не исчезнет.
Холоп богатых, улю-лю,
Тебя дразнила нищета,
Ты полз, как нищий, к королю
И целовал его уста.
Высокой раною болея,
Снимая с зарева засов,
Хватай за ус созвездье Водолея,
Бей по плечу созвездье Псов!
И пусть пространство Лобачевского
Летит с знамен ночного Невского.

Это шествуют творяне,
Заменивши Д на Т,
Ладомира соборяне
С Трудомиром на шесте.
Это Разина мятеж,
Долетев до неба Невского,
Увлекает и чертеж
И пространство Лобачевского.
Пусть Лобачевского кривые
Украсят города
Дугою над рабочей выей
Всемирного труда.
И будет молния рыдать,
Что вечно носится слугой,
И будет некому продать
Мешок от золота тугой.
Смерть смерти будет ведать сроки,
Когда вернется он опять,
Земли повторные пророки
Из всех письмен изгонят ять.
В день смерти зим и раннею весной
Нам руку подали венгерцы.
Свой замок цен, рабочий, строй
Из камней ударов сердца.
И, чокаясь с созвездьем Девы,
Он вспомнит умные напевы
И голос древних силачей,
И выйдет к говору мечей.
И будет липа посыпать
Своих послов в совет верховный,
И будет некому желать
Событий радости греховной.
И пусть мещанскою резьбою
Дворцов гордились короли,
Как часто вывеской разбою
Святых служили костили.
Когда сам бог на цепь похож,
Холоп богатых, где твой нож?
Вперед, колодники земли,
Вперед, добыча голодовки.
Кто трудится в пыли,
А урожай снимает ловкий.
Вперед, колодники земли,
Вперед, свобода голодать,
А вам, продажи короли,
Глаза оставлены — рыдать.
Туда, к мировому здоровью,

Наполнимте солнцем глаголы,
Перуном плывут по Днепровью,
Как падшие боги, престолы.
Лети, созвездье человечье,
Всё дальше, далее в простор,
И перелей земли наречья
В единый смертных разговор.
Где роем звезд расстрел небес,
Как грудь последнего Романова,
Бродяга дум и друг повес
Перекует созвездье заново.
И будто перстни обручальные
Последних королей и плахи,
Носитесь в воздухе, печальные
Раклы, безумцы и галахи.
Учебников нам скучен щебет,
Что лебедь черный жил на юге,
Но с алыми крылами лебедь
Летит из волн свинцовой выюги.
Цари, ваша песенка спета.
Помолвлено лобное место.
И таинство воинства — это
В багровом слетает невеста.
И пусть последние цари,
Улыбкой поборая гнев,
Над заревом могил зари
Стоят, окаменев.
Ты дал созвездию крыло,
Чтоб в небе мчались пехотинцы.
Ты разорвал времен русло
И королей пленил в зверинцы.
И он сидит, король-последыш,
За четкою железною решеткой,
Оравы обезьян соседыш,
И яда дум испивши водки.
Вы утонули в синей дымке,
Престолы, славы и почет.
И, дочерь думы-невидимки,
Слеза последняя течет.
Столицы взвились на дыбы,
Огромив копытами долы,
Живые шествуют — дабы
На приступ на престолы.
Море вспомнит и расскажет
Грозовым своим глаголом —
Замок кружев девой нажит,
Пляской девы пред престолом.

Море вспомнит и расскажет
Громовым своим раскатом,
Что дворец был пляской нажит
Перед ста народов катом.
С резьбою кружев известняк
Дворца подруги их величий.
Теперь плясуньи особняк
В набат умов бросает кличи.
Ты помнишь час ночной грозы,
Ты шел по запаху врага,
Тебе кричало небо «взы!»
И выло с бешенством в рога.
И по небу почерк палаческий,
Опять громовые удары,
И кто-то блаженно-дураческий
Смотрел на земные пожары.
Упало Гэ Германии.
И русских Эр упало.
И вижу Эль в тумане я
Пожара в ночь Купала.
Смычок над тучей подымы,
Над скрипкою земного шара,
И черным именем клейми
Пожарных умного пожара.

В. Татлин. «Матрос». Фрагмент.
Ведь царь лишь попрошайка
И бедный родственник король,—
Вперед, свободы шайка,
И падай, молот воль!
Ты будешь пушечное мясо
И струпным трупом войн — пока
На волны мирового пляса
Не ляжет ветер голака.
Ты слышишь: умер «хох»,
«Ура» умолкло и «банзай»,—
Туда, где красен бог,
Свой гнева стон вонзай.
И умный череп Гайаваты
Украсит голову Монблана —
Его земля не виновата,
Войдет в уделы Людостана.
И к онсам мчатся вальпарицы,
К ондурям бросились рубли.
А ты, безумец, постараися,
Чтоб острый нож лежал в крови.
Это ненависти ныне вести,
Их собою окровавь,

Вам былых столетий сети,
В море дум бросайся вплавь.
И опять заиграй, заря,
И зови за свободой полки,
Если снова железного кайзера
Люди выйдут железом реки.
Где Волга скажет «лю»,
Янцзекиянг промолвит «блю»,
И Миссисипи скажет «весь»,
Старик Дунай промолвит «мир»,
И воды Ганга скажут «я»,
Очертит зелени края
Речной кумир.
Всегда, навсегда, там и здесь,
Всем все, всегда и везде,—
Наш клич пролетит по звезде!
Язык любви над миром носится,
И Песня песней в небо просится.
Морей пространства голубые
В себя заглянут, как в глазницы,
И в чертежах прочту судьбы я,
Как блещут алые зарницы.
Вам войны выклевали очи,
Идите, смутные слепцы,
Таких просите полномочий,
Чтоб дико радовались отцы.
Я видел поезда слепцов,
К родным протянутые руки,
Дела купцов — всегда скупцов —
Порока грязного поруки.
Вам войны оторвали ноги —
В Сибири много костылей,—
И, может быть, пособят боги
Пересекать простор полей.
Гуляйте ночью, костяки,
В стеклянных просеках дворцов,
И пусть чеканят остряки
Остроты звоном мертвцевов.
В последний раз над градом Круппа,
Костями мертвых войск шурша,
Носилась золотого трупа
Везде проклятая душа.
Ты населил собой остроги,
Из поручней шагамозвучие,
Но полно дыма и тревоги,
Где небоскреб соседит с тучею.
Железных кайзеров полки

Покрылись толстым слоем пыли.
Былого пальцы в кадыки
Впилися судорогою были.
Но, струны зная грыж,
Одев рубахой язву,
Ты знаешь страшный наигрыш,
Твой стон — мученья разве?..
И то впервые на земле:
Лоб Разина резьбы Коненкова,
Священной книгой на Кремле,
И не боится дня Шевченко.
Свободы воин и босяк.
Ты видишь, пробежал табун?
То буйных воль косяк,
Ломающих чугун.
Колено ставь на грудь.
Будь сильным как-нибудь.
И ветер чугунных осп иди
Под шепоты «господи, господи».
И древние болячки от оков
Ты указал ночному богу —
Ищи получше дураков! —
И небу указал дорогу.
Рукой земли зажаты рты
Закопанных ядом.
Неси на храмы клеветы
Ветер пылающих хором.
Кого за горло душит золото
Неумолимым кулаком,
Он, проклиная силой молота,
С глаголом молнии знаком.
Панов не возит шестерик
Согнувших голову коней,
Пылает целый материк
Звездою, пламени красней.
И вы, свободы образ!
Кругом венок ресницы тайн,
Блестят громадные глаза
Гурриэт-эль-Айн.
И изречения Дzonкавы
Смешает с чистою росою,
Срывая лепестки купавы,
Славянка с русою косой.
Где битвы алое говядо
Еще дымилось от расстрела,
Идет свобода Неувяды,
Поднявши стяг рукою смело.